

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ СТИХОТВОРЕНИЯ

Ф. И. ТЮТЧЕВА “14-ое декабря 1825”

У нас нет ни малейших данных, которые бы позволили судить, как отозвались в нем и внешние события, например, 14 декабря и т. п. , и явления духовной общественной жизни, отголосок которых все же мог иногда доходить и до Мюнхена.¹

И. С. Аксаков

I

“Из присланных вами двух стихотворений одно, полагаю, относится к декабристам (“Вас развратило самовластье...”), стало быть: писано в 1826 г. , когда ему было 23 года. Оно сурово в своем приговоре. Ни Пушкин, никто в то время, из страха прослыть нелиберальным, не решился бы высказать такое самостоятельное мнение”, - писал в середине семидесятых годов князю Гагарину, давнему знакомцу Тютчева еще по Мюнхену, И.С.Аксаков.² В этом, по-видимому, самом раннем из дошедших до нас суждении о стихотворении “14-е декабря 1825”, которое, по мнению Ю. М. Лотмана, следует характеризовать как “до сих пор неясное”³, имя Пушкина упомянуто не случайно.

Аксаков, адресуясь к Гагарину спустя год после смерти Тютчева и почти через сорок лет после трагической гибели Пушкина, уже знает: в ту пору, когда создавалась тютчевская пьеса (1826 или 1827), Пушкин пишет такие произведения, как “Арион”, с его признанием в верности “прежним гимнам”, послание “Во глубине сибирских руд...”или принадлежащее циклу лицейских годовщин восьмистишие, в котором обращается к узникам “мрачных пропастей земли”со словами сочувствия и ободрения И действительно, пушкинская интонация в стихах, посвященных событиям на Сенатской площади, в корне отличается от отчужденного, воистину прокурорского тона Тютчева.

Именно это обстоятельство, вероятно, и имел в виду Аксаков, когда

проводил сопоставление идеологических позиций Тютчева и Пушкина в связи с проблемой декабризма.

Являясь едва ли не единственным бесспорным собственно поэтическим свидетельством отношения Тютчева и к самому факту восстания на Сенатской площади, и к идеологии декабризма в целом, стихотворение “-ое декабря 1825” неоднократно вызывало специальный интерес. В области исторического комментария накоплено действительно немало: установлен круг знакомств Тютчева в декабристской среде (Завалишин, Корнилович), выявлены возможные каналы информированности поэта о тайных собраниях (Раич и кружки начала 20-х годов: “Общество громкого смеха” и “Общество друзей”⁴). Наконец, уточнены и биографические предпосылки к созданию пьесы: в роковые дни Тютчев находился непосредственно в самой северной столице, то есть в буквальном смысле слова являлся очевидцем событий, свидетелем “высоких зрелищ”развертывающейся драмы. С помощью исторических реалий откомментированы и отдельные тютчевские строки. В частности, Бартеневу принадлежит следующее замечание: «...в Ярославле народ кидал мерзлую грязью в декабристов, что дало повод Ф. И. Тютчеву к стихам “Народ, чуждаясь вероломства, Поносит ваши имена»⁵.

Менее подробно изучены конкретные историко-литературные и эстетические связи стихотворения “14-ое декабря 1825”с движением русской лирики в 10-20-ые годы и в первую очередь с творчеством Пушкина. Исключительное внимание Тютчева к ранней пушкинской поэзии бесспорно. О нем свидетельствуют в частности дневники М.П. Погодина —университетского товарища Тютчева, а впоследствии литератора, постоянно общавшегося и с Пушкиным.

Погодинские записи 1820 года дают представление и о частоте обращений Тютчева к творчеству молодого —почти сверстника — Пушкина, и о характере тютчевских раздумий об авторе “Руслана и

Людмилы”. “Говорил с Тютчевым о новой поэме “Людмила и Руслан”⁶,- помечает Погодин 6 октября. Запись, сделанная примерно через три недели: “Говорил (...) с Тютчевым о молодом Пушкине, об оде его “Вольность”, о свободном, благородном духе мыслей, появляющемся у нас с некоторого времени, о глуп(ых) профессорах наших⁷. ”Проходит еще пять дней, и 5 ноября Погодин фиксирует очередной разговор с Тютчевым:”о Пушкине, о Дерп(тском) унив(ерситете) и пр.⁸ “Через десятки лет, вспоминая студенческие годы, мемуарист Погодин охарактеризует атмосферу отношения к Пушкину в той литературной среде, которой принадлежал и юный

Тютчев: ”Мы были в восторге от поэмы Байрона “Шильонский узник”и даже начали, украдкой от самих себя и от Мерзлякова, восхищаться “Русланом и Людмилой” Пушкина⁹. ”Имя Пушкина — на устах образованной русской публики, его первая поэма — главная литературная новость сезона. Неприятие поэмы со стороны университетской профессуры: Мерзлякова, Каченовского — столь велико, что московская молодежь восхищается ею “украдкой” от самой себя, то есть преодолевая сформированные минувшим столетием и поддерживаемые литературными наставниками вкусовые стереотипы. Естественно, что в такой обстановке Тютчев не прошел мимо вольнолюбивой лирики молодого Пушкина, которая во многом предвосхищала собственно декабристскую агитационную поэзию Рылеева, Бестужева или Кюхельбекера “Революционные стихи Рылеева и Пушкина можно найти в руках у молодых людей в самых отдаленных областях империи() целое поколение подверглось влиянию этой пылкой юношеской пропаганды,”писал позднее А. И. Герцен в работе “О развитии революционных идей в России.”¹⁰ А ведь Тютчев жил не в отдаленных областях империи, но в одной из ее исторических столиц, вращался в литературных кругах и, конечно, знал не только оду “Вольность”, но и другие распространявшиеся в списках стихи Пушкина:

“К Чаадаеву”, “Деревня” и т.п.

Тем не менее ода “Вольность” должна быть выделена из этого ряда особо. Не потому только, что Тютчеву принадлежит один из стихотворных ответов автору “Вольности”, а в архивах Погодина сохранился листок с заключительными строками оды, написанными тютчевской рукой.¹¹

В 1857 году в письме А. Д. Блудовой Тютчев замечает: “В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем ...поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков пятнадцатых и Людовиков четырнадцатых.”¹² Комментаторы тютчевских писем, кажется, не отмечали сходства приведенного рассуждения со следующими строками “Вольности”:

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон —а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивших царскую главу.¹³

“Мученик ошибок славных” — это, как известно, и есть Людовик XVI,

казненный в революционной Франции за грехи “предков”—“Людовиков пятнадцатых и Людовиков четырнадцатых”.

Сходство между фрагментами пушкинской оды 1817 и тютчевского письма 1857 года наглядно; и через сорок лет после создания “Вольности”, в эпоху готовящихся реформ, пушкинские строки продолжают быть актуальными для Тютчева. Собственно, “роковой закон” общественного развития, о котором писал Тютчев в 1857, уже был поэтически сформулирован в 1817.

Именно с центральной частью оды “Вольность” непосредственно соотнесена первая часть стихотворения “14-ое декабря 1825”:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил,-
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

Здесь очевидна близость к Пушкину и в ритмико-интонационном отношении (четырёхстопный, “одический” ямб), и в строфике, и в словаре. Но имеются и более глубокие и специфические переклички между “14-ым декабря 1825” и “Вольностью”. Наличие каждой из них в отдельности легко объяснялось бы указанием на общую культурно-историческую почву — русское Просвещение, но их сочетание позволяет ставить вопрос о прямой историко-литературной соотнесенности произведений.

Сопоставим: у Тютчева “меч” самовластья “поражает” декабристов, приводя в исполнение освященный Законом приговор; у Пушкина “меч” Закона “преступленья свысока Сражает праведным размахом”; Пушкин полагает Закон разумным и неподкупным, с тех же просветительских

позиций говорит о верховенстве и “беспристрастье” Закона и Тютчев. Пушкин рисует картину казни французского короля: “Восходит к смерти Людовик В виду безмолвного потомства; Главой развенчанной приник К кровавой плахе Вероломства. Молчит Закон — народ молчит”¹⁴ Бездействие (молчание) Закона, по Пушкину, предопределяет и бездействие народа. Вспомним в связи с этим финальную пушкинскую ремарку в “Борисе Годунове”. Мысль Тютчева разворачивается в обратном направлении: освященный Законом приговор декабристам пробуждает и народ к вынесению исторической оценки:

Народ, чуждаясь Вероломства,
Поносит ваши имена...

Последний стих едва ли не отклик на финал пушкинского послания “К Чаадаеву”(1818):

Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.¹⁵

У Пушкина 1818-20-х годов — убежденность в правоте освободительных идей, в конечном и скором их торжестве, в благодарной памяти потомства; у Тютчева — скепсис, отповедь подобным взглядам: дело декабристов не только несостоятельно с правовой точки зрения, но и преступно в глазах народа. Соответственно, пушкинскому “напишут наши имена” Тютчев противопоставляет категорически осуждающее “поносит ваши имена”.

На политические взгляды молодого Тютчева проливает свет мнение Гагарина, выраженное последним в письме И. Аксакову в ноябре 1874 года: “...люди, примкнувшие к революции или к порядку вещей, основанному на ней, признаются, что гораздо бы лучше было не нарушать права престолонаследия... (...) они не оспаривают, что было нарушение права, дело незаконное, и этому незаконному началу приписывают ту слабость, которая не позволила Орлеанской династии

остаться на троне. () Сколько мне помнится, Тютчев стоял на такой же точке зрения”¹⁶ Исторический мыслитель, Тютчев, соглашаясь с декабристской критикой самодержавно-крепостнической действительности, не может согласиться с теми незаконными средствами изменения политического строя, которые избрали заговорщики.

Таким образом, стихотворение “14-ое декабря 1825”, формально адресованное декабристам, имеет и адресата неявного. Именно — Пушкина как проводника в общественном сознании тех радикальных настроений, которые и привели в конечном счете к декабрьской катастрофе. Ориентируясь на просветительский пафос молодого Пушкина, отчасти заимствуя у него “декабристскую” фразеологию (Закон, Самовластье и т. д. , вплоть до рифмы “потомство” “вероломство”), Тютчев обращает и первое, и второе против самого автора “Вольности” и “К Чаадаеву”. Если гнев Пушкина направлен прежде всего на Владык, Тиранов мира, Самовластительных злодеев, не считающихся с требованием права, то Тютчев упрекает в “беззаконности” уже заговорщиков, посягнувших на столетиями складывавшийся общественный порядок.

II

В начале 1821 года выходит в свет IX том “Истории Государства Российского” Н. М. Карамзина. Посвященный описанию царствования Иоанна Грозного, этот том вызвал необычайный интерес у деятелей декабристского движения и Пушкина, известен, в частности, восторженный отзыв о нем Рылеева¹⁷, а Пушкин из ссылки писал Гнедичу: “С нетерпением ожидаю девятого тома “Русской истории””.¹⁸

С другой стороны, имя Карамзина неоднократно встречается в связи с Тютчевым на страницах погодинского дневника. 25 августа 1820 года Погодин помечает: “Разговаривал с Тютчевым и с его родителями о литературе, о Карамзине, о Гете, о Жуковском”.¹⁹ Следующая

погодинская запись (июль 1821) говорит о несомненном тютчевском внимании именно к IX тому: “Ходил пешком к Тютчеву (верст 7), говорил с ним...о Карамзине, о характере Иоанна IV, о рассуждении, напечатанном в “Вестнике Европы”...”²⁰ Насколько основательно Тютчев воспринимает карамзинские размышления о судьбах русской истории, можно судить по такому факту. В начале IX тома, благожелательно отзываясь о первых годах царствования Иоанна, историк писал: “...Иоанн во все входит, все решает, не скучает делами и не веселится ни звериною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России.”²¹ Характеризуя царствование Николая I, умершего 18 февраля 1855 года, Тютчев фактически повторит — с обратным знаком — формулу Карамзина: “Не Богу ты служил и не России...”, невольно, может быть, противопоставив карамзинской оценке молодого Ивана собственную оценку недавно почившего императора. Вообще формула “служить России” в сознании Тютчева была, по-видимому, прочно связана с именем Карамзина. Так, в 1866 году стихотворение, посвященное памяти великого историографа и опубликованное в “Вестнике Европы”, журнале, у истоков которого стоял сам Карамзин, поэт завершит следующими стихами:

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И до конца служить России...

В письме П.В. Анненкову от 3 декабря 1866 года Тютчев настаивал: “Майков предлагал мне свою поправку. Но она, по-моему, хуже моей. Что такое искренний сын России? (...) Главное тут в слове служить, этом, по преимуществу, русском понятии...”²²

Повлиял ли Карамзин-историк на Тютчева — автора стихотворения “14-ое декабря 1825”? На наш взгляд, это влияние несомненно одна из основных проблем, поставленных в “Истории Государства Российского”,-

проблема морального смысла исторического деяния и моральной ответственности исторического деятеля за совершаемое им. Через три года после смерти Карамзина, рецензируя “Историю русского народа” Н. Полевого, на эту сторону карамзинского труда специально укажет зрелый Пушкин: “Нравственные его <Карамзина. - И. Н. > размышления, своею инокескою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи.”²³ В IX томе “Истории Государства Российского” Карамзин указывал: “История не решит вопроса о нравственной свободе человека; но, предполагая оную в суждении своем о делах и характерах, изъясняет и те и другие во-первых природными свойствами людей, во-вторых обстоятельствами или впечатлениями предметов, действующих на душу.”²⁴ Насколько важна была карамзинская философия истории для его молодых современников, и в частности для декабристов, свидетельствует, например, член тайного общества Оболенский. “...Имеем ли мы право как частные лица, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать государственный переворот и свой образ воззрения на государственное устройство налагать почти насильно на тех, которые, может быть, довольствуясь настоящим, не ищут лучшего” — вспоминал Оболенский о сомнениях своих и своего круга.²⁵ Иными словами: имеют ли нравственное оправдание планы заговорщиков — вот вопрос, волновавший многих из декабристов В “-ом декабря 1825” Тютчев утверждает, что в радикальной идеологии декабристов изначально коренился некий нравственный порок: “Вас развратило Самовластье...” Точен А.Л. Осповат, посвятивший тютчевскому стихотворению специальную статью: “Вас развратило Самовластье...” отнюдь не равнозначно суждению: “Вас спровоцировало на бунт самодержавие”.²⁶ И далее исследователь указывает: “Этот политический противник — не самодержавие как таковое, но “самовластье”, т. е. деспотизм.”²⁷

Но такое использование слова “самовластье” также могло быть определено пристальным интересом Тютчева к IX тому карамзинской истории, к тем его страницам, где Карамзин цитирует переписку Иоанна с Курбским. Сообщая о ближайшем окружении, Иоанн жаловался: “...велят мне быть выше естества человеческого, запрещают ездить по святым обителям, не дозволяют карать немцев... К сим беззакониям присоединяется измена: когда я страдал в тяжкой болезни, они, забыв верность и клятву, в упоении самовластья хотели...взять себе иного царя”.²⁸ Вероятность исторической параллели между содержанием приведенного письма Грозного и событиями конца 1825 года достаточно велика: “упоенные самовластьем” декабристы, “забыв верность и клятву”, также хотели взять себе “иного царя”. Конечно, Тютчев познакомился с IX томом “Истории Государства Российского” в 1821 году, до работы над стихотворением “14-ое декабря 1825” оставалось по меньшей мере пять лет, но еще Аксаков, хорошо знавший Тютчева-читателя, отмечал, что тот “обладал способностью читать с удивительной быстротой, удерживая прочитанное в памяти до малейших подробностей...”.²⁹

Косвенно суждения Карамзина о декабрьских событиях могли отозваться и в девятом стихе тютчевской пьесы, где участники восстания определены как “жертвы мысли безрассудной”. Одним из авторитетных истолкователей выступления на Сенатской площади как своего рода безумия был именно Карамзин. Уже 19 декабря 1825 года, на пятый день после разгрома восставших, он писал Дмитриеву: “Первые два выстрела рассеяли безумцев с “Полярной звездой” — Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами...”³⁰ В передаче Телешова до нас дошла и такая карамзинская характеристика заговорщиков: “Провидение омрачило умы людей буйных, и они в порыве своего безумия решились на предприятие столь же пагубное, сколь и несбыточное”.³¹ Собственно, тютчевское “жертвы мысли безрассудной” и есть сжатое до лаконичной стихотворной формулы “карамзинское” понимание случившегося.

Естественно предположить, что до молодого поэта и европейски образованного дипломата, находившегося в Петербурге в самые напряженные дни, дошли эти или подобные оценки Карамзина.

Итак, тютчевское стихотворение продолжило тот заочный диалог с Пушкиным, тот неочевидный спор, начало которому было положено еще в 1820 году (“К оде Пушкина на Вольность”)(Подробнее об этом ниже.) В первой части произведения Тютчев, полемически отвечая Пушкину как идеологу декабризма, оценивает практическое претворение проповедованных Пушкиным идей в свете карамзинской историософии.

Поиск иных — не русских — источников, которые могли бы инициировать обращение Тютчева к проблеме декабризма, предложен Осповатом: “Следует отметить и тот факт, что незадолго до приезда Тютчева в Париж там вышли путевые письма драматурга и поэта Ж. Ансело “Шесть месяцев в России”, в которых затрагивалось множество вопросов...и попутно давались обобщенные характеристики важнейших сторон национальной жизни () В книге “Шесть месяцев в России” Тютчева должны были заинтересовать рассуждения о восстании декабристов — едва ли не впервые в европейской печати события 14 декабря получили развернутую (причем не ориентированную на официальную точку зрения русского правительства) характеристику”³² Не оспаривая версию Осповата, отметим способность и готовность Тютчева, выстраивая собственный текст, учитывать одновременно самые разные, как отечественные, так и зарубежные, источники. Во всяком случае указание исследователя на книгу Ансело не отменяет необходимости в поисках “русской” ориентации тютчевского текста.

Однако отмеченная Ю. М. Лотманом “неясность” стихотворения “14-ое декабря 1825” не в последнюю очередь порождена тем, что авторские оценки декабристов в первой и второй его частях существенно разнятся. Если критический пафос начального восьмистишия может быть определен как “карамзинский”, то заключительное восьмистишие

воплощает иное, условно говоря, “чаадаевское” отношение к русской истории:

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная³³дохнула —
И не осталось и следов.

В отличие от Пушкина, восклицавшего в послании “К Чаадаеву”: “Россия вспрянет ото сна...”, уверенного в грядущем пробуждении Отечества к более разумным и справедливым социальным формам бытия, Тютчев выступает здесь как глубокий скептик. Бытует мнение, что образы второй строфы обусловлены недоверием поэта к общественно-политическим основам русской действительности.

Например, К. В. Пигарев прямо указывал, что “для самого этого строя” <т. е. для самодержавия-ИН> у Тютчева “не нашлось иных поэтических образов, кроме “вечного полюса”, “вековой громады льдов” и “зимы железной”³⁴. Едва ли такое истолкование исчерпывает многомерный смысл второго восьмистишия. Символы “вечного полюса” и “зимы железной”, органически связанные между собой, впервые в тютчевской поэзии представляют “русский космос”— особый природно-исторический уклад, не способный, по мнению Тютчева, к самостоятельному развитию и совершенствованию. Бесспорно: мотив “русского космоса”—лишь часть крайне противоречивого понимания Тютчевым исторических судеб родной земли, но важно иное: мотив этот проходит через все тютчевское творчество и заявляет о себе в таких различных стихотворениях, как “Здесь, где так вяло свод небесный”, “Итак, опять увиделся я с вами...”, “На возвратном пути” и т. п.

Молодой Тютчев тяготеет к высокой философской оде, жанру, столь популярному в литературе XVIII столетия. По словам Н.В. Королевой — автора работы о ранней тютчевской лирике, ключевая ситуация философской оды — человек смертный перед лицом Вечности. “14-ое декабря 1825”, одно из первых значительных общественно-политических стихотворений Тютчева, — опыт своего рода политической оды. Соответственно меняется и ведущая проблема, сущность которой теперь — человек смертный перед лицом Истории. Если в начальной части пьесы Тютчев предстает как социолог, обличающий аморализм исторических деятелей, решившихся на противозаконное, опасное для общественного спокойствия деяние, то во второй части перед нами философ, размышляющий о бессмысленности вообще каких бы то ни было действий в условиях господства аморфной, принципиально внеисторической среды. Тютчев отнюдь не одинок в своих размышлениях, если иметь в виду ситуацию двадцатых годов. В 1828 году П. Я. Чаадаев в первом из своих “Писем” средствами философствующего публициста как будто развернуто комментирует тютчевские строки: “У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. (...) Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства.”³⁵ И — далее: “Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя. Если мы иногда волнуемся, то отнюдь не в надежде или расчете на какое-нибудь общее благо, а из детского легкомыслия, с каким ребенок силится встать и протягивает руки к погремушке, которую показывает ему няня”³⁶ Очевидно, что поэтические строки Тютчева и публицистические строки Чаадаева по духу родственны (в частности, тютчевский “вечный полюс” весьма напоминает чаадаевский “мертвый

застой”). Между прочим, первое (беглое) знакомство Тютчева и Чаадаева относится, по-видимому, именно к середине 20-х годов.³⁷ Но в ближайшем мюнхенском окружении поэта был человек, чье скептическое восприятие русской истории во многом существенно близко чаадаевскому. “...Ваше присутствие в Мюнхене было для меня сив мой-ИН> моего пребывания в этом городе”,- признавался Тютчев князю Петру Борисовичу Козловскому в декабре 1824 года.³⁸ В “Опыте истории России”(предположительно —вторая половина 20-х годов) Козловский писал: “...здесь возможны лишь абсолютное подчинение и рабская угодливость, либо преступное возмущение...”³⁹ Это не было сказано под впечатлением минуты; в начале своего оставшегося незавершенным труда он поясняет причины, по которым за него взялся: “У нас мало надежды на то, что труд, который мы предпринимаем ныне, может...стать известным среди жителей страны, для которой он написан; но подчас душа чувствует себя угнетенной мыслями, которые долго терзали ее и настоятельно требуют развития.”⁴⁰ Речь, следовательно, идет о позиции глубоко выношенной, выстраданной. Тютчев, скорее всего, был о ней осведомлен уже с весны 23-го года, когда познакомился с Козловским в Мюнхене, и пессимистический взгляд старшего друга на русскую действительность впоследствии мог отозваться и в самом содержании, и в тональности заключительной строфы тютчевского стихотворения.

Оно, таким образом, членится на две части, говоря тютчевскими же словами, в нем отчетливо звучат “два голоса”. В первой строфе — просветительская критика безнадежной попытки декабристов сломать сложившуюся систему власти. В истоке такой критики — убежденность Тютчева в исторически закономерном характере этой власти. Аксаков писал Гагарину по этому поводу: “Самодержавие... признавалось им тою национальной формой правления, вне которой Россия покуда не может измыслить никакой другой, не сойдя с национальной исторической

формы, без окончательного, губительного разрыва общества с народом”.⁴¹ Вторая же строфа тютчевского произведения, “чаадаевская”, воплощает взгляды романтика и скептика, убежденного в бесперспективности любых попыток преобразовать русскую историческую жизнь.

Обе тенденции, сосуществующие в границах одного художественного целого — стихотворения “14-ое декабря 1825”, получают мощное развитие в тютчевской лирике 50-х —60-х годов. Первая — в таких программных политических стихах, как “К Ганке”, “Русская география”, “Пророчество” и т. д. Вот лишь один из многочисленных примеров:

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей,-
То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом,-
Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет! вам ее не запрудить!..
“Нет, карлик мой! трус беспримерный...”

(1850)

Тютчев, невольно солидаризируясь со знаменитым впоследствии пушкинским ответом Чаадаеву 1936 года, так и не отосланным адресату: “Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться”⁴², - утверждает мысль о величии исторического прошлого России, прямой наследницы Византийской империи, государства, призванного сыграть выдающуюся роль в судьбах истории

мировой. Вторая же тенденция, пройдя через ряд этапов в своем становлении, в полной мере реализовалась в таких шедеврах поздней тютчевской лирики, как “Брат, столько лет сопутствовавший мне” и “От жизни той, что бушевала здесь...”.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих —лишь грезой природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Судьба личности, вынужденной существовать в условиях “зимы железной” и “вечного полюса”, названа здесь “подвигом бесполезным”; иными словами, в условиях российской жизни героическое оказывается сопряжено с бессмысленным.

III

Стихотворение “14-ое декабря 1825”—при выявлении в нем “пушкинской” направленности—занимает естественное место между двумя произведениями Тютчева 20-х—30-х годов, программно связанными с именем Пушкина: уже упоминавшимся откликом “К оде Пушкина на Вольность”и посвященным памяти великого поэта стихотворением “января 1837”. Здесь—специфически тютчевское единство, называемое “несобраным циклом” Оно основано на общности как тематической, так и формальной.

Все три произведения, при жизни Тютчева не обнародованные, были созданы в связи с конкретными событиями культурной и исторической жизни России. Очевидна ритмико-интонационная близость (четырёхстопный ямб и восьмистишная строфа, за исключением раннего стихотворения, где строфика еще неустойчива) Наконец, и это главное, во

всех названных произведениях — единый круг вопросов, самые существенные из которых — поэт и проповедь свободы, поэт и мирская власть, поэт и судьба Отечества. Все эти вопросы, безусловно, имели громадное значение для Тютчева, все — помогали осознать место Пушкина в национальной жизни, творчество Пушкина — как феномен национальной истории.

Добросовестный ученик Раича и Мерзлякова, с малых лет воспитываемый на классической оде Ломоносова и Державина, в отклике на пушкинскую оду Тютчев пытается “образумить” автора “Вольности”. С одной стороны, утверждается, что пушкинский дар — божественного происхождения (“пламень Божий”) Спустя годы Тютчев напишет о Наполеоне, используя тот же оборот — “Божий пламень”, но с “обратным знаком”: “Он был земной, не Божий пламень...” С другой стороны — тираноборческий пафос молодого Пушкина оспаривается Пушкинской инвективе, адресованной непосредственно Павлу I, а косвенно — и сменившему его на троне Александру: “Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу”⁴³ и т. д. — противопоставлено принципиально иное понимание взаимодействия поэта и власти, восходящее к традициям XVIII века:

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Автор приведенных строк, Тютчев мог ориентироваться на, например, Ломоносова (“Ода...” 1761 года).

Очевидно, что в стихотворении 1820 года многочисленны переключки с “Вольностью”. Между тем уже начало тютчевского отклика на оду Пушкина также, на наш взгляд, представляет собою реминисценцию —из поэзии XVIII века, а именно из “Оды на рабство” В. Капниста. У Капниста:

Приемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Железным бременем цепей,
Для песней жалобных настрою;
И, соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью...⁴⁴

И далее:

Возрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей.

У Тютчева:

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея,
И рабства пыль слетела с ней.

Связь между этими текстами может быть названа преемственной, вплоть до многочисленных лексических совпадений: “раздается звук цепей”— “заглушая звук цепей”; “отру лежащу пыль на ней”—“и рабства пыль слетела с ней”. По существу тождествен ритмико-интонационный строй (“ораторский” четырехстопный ямб), тождественна рифма (цепей —ней). Само тютчевское решение может быть возведено не только к традиции придворной оды XVIII века в целом, но и к “Оде на рабство” в частности.

Так ты, возлюбленна судьбою,

Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоея лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь;
И, к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.⁴⁵

Да и структура тютчевского названия — “К оде Пушкина на Вольность” — как будто сознательно спроецирована на название оды Капниста.

Задача поэта и роль искусства понята семнадцатилетним Тютчевым в соответствии с требованиями “века минувшего”: как нравственное просвещение власти. В соотношении “мирская власть” — “поэт” за последним сохраняется право влиять на “царей”, но отрицается право на независимость, тем более — на противостояние Владыкам. И в юношеском отклике на “Вольность”, и в стихах 1837 года Тютчев говорит о высшей природе пушкинского гения, но в более позднем произведении такое понимание Пушкина углублено и обогащено: судьба поэта осознана как неотъемлемая часть русской истории, а сам он назван духовным провидцем, властителем дум целой нации, царем Его убийца определен как цареубийца. Возможно, что неявное сравнение поэта с царем возникло у Тютчева под впечатлением от пушкинского сонета 1830 года: “Ты царь! Живи один”⁴⁶ и т.д. (Подробно о целых “гнездах” пушкинских и лермонтовских реминисценций в стихотворении “29-е января 1837” будет сказано далее.) На то, что Тютчев знал пушкинский текст, указывает присутствующая в обоих произведениях тема народной любви к поэту и отношения к этой любви самого художника Пушкин проповедует: “Поэт! не дорожи любовью народной Восторженных похвал пройдет минутный шум...” В стихотворении “29-е января 1837”

Тютчев словно отвечает на мучительные сомнения автора этой проповеди, осененного “хоругвью горести народной”: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!. »

Во всех трех произведениях Тютчева присутствует оппозиция “жар —холод”. В самом раннем “огонь свободы”, “пламень Божий”и “искры”противопоставлены “друзьям холодным самовластья”; в центральном —вековая “громада льдов”, “зима железная”и “вечный полюс”—горячей, “дымящейся”крови декабристов; наконец, в тексте, посвященном гибели Пушкина, упоминание о “знойной”крови поэта воспринимается на фоне январской даты, вынесенной в заглавие. В лексике всех “фрагментов”, составляющих этот скрытый цикл, чрезвычайное значение приобретают элементы, непосредственно связанные с темой “мирской власти”. В пьесе 1820 года они представлены наиболее концентрированно: “чела бледные царей”, “закоснелые”тираны, “блеск венца”, “царская парча”, “самовластье”. В декабристском тексте —“Самовластье”и, метонимически, “вечный полюс”.

В стихах 1837 года —курсивом данное “цареубийца”По существу, реминисцентны и все три заглавия. Причем если в заглавии 1820 года перед нами цитата-имя, указывающая на конкретное пушкинское произведение, то в двух других заглавиях — указание на “текст жизни”. Все три тютчевских стихотворения чрезвычайно (чрезвычайно даже по тютчевским меркам!) насыщены чужим словом, во всех трех ключевые цитатные вторжения связаны с творчеством и судьбою Пушкина.

Наконец, отметим связи между вторым и третьим фрагментами “несобранного” цикла Тютчева: “14-ое декабря 1825”и “29-е января 1837”. Они объединены мотивом пролитой крови. Кровь декабристов названа “скудной”, кровь поэта —“благородной”; в первом случае жертва бесплодна и напрасна, во втором —исполнена провиденциального смысла. По Тютчеву, разгром восстания и казнь его руководителей суть

неизбежные следствия их преступного замысла и приветствуются “мнением народным”; напротив, гибель Пушкина показана как общенациональная трагедия, вызывающая всенародную скорбь. Если катастрофа 1825 года описывается в политико-правовой терминологии (самовластье, закон, меч, приговор и т. п.), то драма начала 1837 года осмыслена с позиций религии и этики (“сосуд скудельный”, “жажда чести”, “первая любовь”, “горесть народная”). В позднейшем стихотворении Тютчев недвусмысленно отделяет судьбу Пушкина от судьбы декабристов, философа-христианина — от исторических деятелей просветительской ориентации.

1. Аксаков К. С. , Аксаков И. С. Литературная критика. М., “Современник”, с. 310.
2. Письмо И. С. Аксакова И. С. Гагарину от 24. ноября 1874 года В кн: Ф. И. . Тютчев в документах, статьях и воспоминаниях современников. М. , 1999, с. 68.
3. Тютчевский сборник. Таллинн, 1990, с. 4.
4. См: Королева Н. В. Тютчев и Пушкин. Пушкин: исследования и материалы. М. -Л. , 1962, т. 4, с. 193—. В позднейшей статье, специально посвященной стихотворению “. декабря 1825”, А. Л. Осповат пишет: “Для того чтобы приблизиться к адекватному пониманию интересующего нас текста, прежде всего необходимо суммировать все разрозненные данные о личных контактах Тютчева с декабристами. Их не так много— Тютчевский сборник, с. 237. Здесь же представлен и обобщен фактический материал по теме. См. также: Ф. И. Тютчев в документах..., с. 52—.
5. Цит по статье А. Л. Осповата. —Тютчевский сборник, с234
6. Ф. И. Тютчев. Литературное наследство, т. 97, кн. 2. М., “Наука”, 1989, с. 11.
7. Там же, с. 12.
8. Там же
9. Цит по: Королева Н. В. Указ. соч. , с. 197.
10. Декабристы в воспоминаниях современников. М. , изд. Московского университета, 1988, с. 31. О роли вольнолюбивой лирики Пушкина в деятельности тайных обществ писали неоднократно См, напр. , монографию В. Н. Касаткиной “Поэзия гражданского подвига”. М. , “Просвещение”, 1987, с. 105—.
11. Литературное наследство, т. 97, кн. 2, с. 18.
12. Ф. И. Тютчев. Сочинения, т. 2. Письма. М. ,

- "Художественная литература", 1984, с. 250.
13. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах, т. I. М., "Художественная литература", 1974, с. 46.
 14. Там же
 15. Там же, т. I, с. 68.
 16. Ф. И. Тютчев в документах..., с. 67.
 17. "Ну, Грозный, ну, Карамзин! —не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита" Рылеев К Полное собрание стихотворений. Л., 1934, с418
 18. Пушкин А. С. Собрание сочинений..., т. 9, с. 29.
 19. Литературное наследство, т. 97, кн. 2, с. 11.
 20. Там же, с. 12. Имя Карамзина присутствует в разговорах Тютчева вплоть до его отъезда из России в 1822. году. Вот погодинская запись от 23. января: "Заходил к Тютчеву...Говорил о словесности, Мерзлякове, Карамзине. "Там же, с. 13.
 21. Карамзин Н. М. История государства Российского. Тула, Приокское книжное издательство, 1990, с. 324. О чрезвычайном значении карамзинского труда далеко не случайно в биографии Тютчева писал И. С. Аксаков: "В 1826. году выходит последний том "Истории государства Российского" Карамзина Его монументальный, хотя и не оконченный труд, при всем своем несовершенстве, пролагает путь к ближайшему знакомству с историческим ростом России, к внимательнейшему исследованию ее прошлых судеб. "Аксаков К. С. , Аксаков ИС Указ соч, с. 387. Вопрос о влиянии карамзинской "Истории" на тютчевскую историософию в должной мере не прояснен Не следует недооценивать того ряда, в котором оказывается имя Карамзина в стихотворении 1861. года "На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского": "Нет отклика на голос, их зовущий, Но в светлый праздник ваших именин Кому ж они не близки, не присущи —Жуковский, Пушкин, Карамзин!"
 22. Ф. И. Тютчев Сочинения, т. 2, с. 287.
 23. Пушкин А. С. Собрание сочинений..., т. 6, с. 32.
 24. Карамзин Н. М. Указ. соч. , с. 324.
 25. Оболенский Е. П. Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве В кн: "Мемуары декабристов: Северное общество. "М, 1981, с86
 26. Тютчевский сборник, с. 241.
 27. Там же
 28. Карамзин Н. М. Указ. соч. , с. 327.
 29. Аксаков А. С. , Аксаков И. С. Литературная критика, с294
 30. Декабристы в воспоминаниях современников, с. 270. В заключительной части этого же письма Карамзин вернется к мысли о "безумии"происшедшего: "Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов! Дай

Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними не так много!" (Там же, с. 271.) См. также фрагмент из воспоминаний М. Н. Волконской: "Если даже смотреть на убеждения декабристов как на безумие и на политический бред, все же справедливость требует сказать, что тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслужить уважения соотечественников" (Там же, с. 24.) Совершенно независимо, ибо тютчевского текста мемуаристка, разумеется, знать не могла, Волконская предложила последовательный психологический и социологический комментарий к стихотворению ". декабря 1825".

31. Декабристы в воспоминаниях современников, с. 219.
32. Тютчевский сборник, с. 236.
33. Стоит внимательнее отнестись к эпитету "железная". Этот эпитет, редкий у Тютчева (можно вспомнить "сон железный" из стихотворения "Здесь, где так вяло свод небесный"), в русской поэзии XIX-начала XX века прочно связан с категорией исторического пути (Боратынский, Некрасов, Блок). Таким образом, "железный" маркирует мифологему "железный век", связанную с представлениями поэта о России
34. Цит по: Ф. И. Тютчев Сочинения, т. 1. М. , "Художественная литература", 1984, с. 455. Более развернуто эта же мысль представлена в монографии К. В. Пигарева: "...в каких застывших, неподвижных, мертвых и мертвящих образах рисует Тютчев победившее самовластье: "вечный полюс", "вековая громада льдов", "железная зима" со своим леденящим дыханием! Подобные образы — "тяжелое небо", "ледяная глыба", "полюс", "гранит громадный", "камень неизменный", "север роковой"—станут для Тютчева и в дальнейшем как бы символами императорской России. "Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев и его время. М. , 1978, с46
35. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М. , "Современник", 1989, с42
36. Там же, с. 42—. Иногда совпадение между стихами и прозой почти дословны: "Годы ранней юности, проведенные нами в тупой неподвижности, не оставили никакого следа в нашей душе (ср у Тютчева: "...не осталось и следов"), и у нас нет ничего индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль" (Там же)
37. "Исследователи обычно относят личное знакомство Тютчева и Чаадаева к середине 40-х годов XIX века, когда поэт возвратился в Россию после длительного пребывания на дипломатической службе. Однако есть основания предполагать, что знакомство произошло гораздо раньше и обусловило столь же ранние идейные взаимоотношения. Летом

1825. года Чаадаев вместе с отдохавшими в Карлсбаде Тютчевым и А. И. Тургеневым оказался в числе первых представителей русской культуры, с которых началось общение Шеллинга с поклонниками из России"Тарасов Б. Н. Ф. И. Тютчев и П. Я. Чаадаев (Жизненные параллели и идейные споры друзей-"противников"). В кн. :Тютчев сегодня М. , 1995, с. 99.
- 38."Литературное наследство", т. 97, кн. 1. М. , "Наука", 1988, с554. В этом же письме читаем: "Как бы то ни было, я достигну цели, если вы будете знать, что есть где-то в мире человек, преданный вам душой и сердцем, приверженец, который любит вас и служит вам как в помыслах своих, так и на деле"(Там же)
39. Тютчевский сборник, с. 306.
40. Там же, с. 302.
41. Ф. И. Тютчев в документах..., с. 70.
42. Пушкин А. С. Собрание сочинений..., т. 10, с. 287.
43. См об этом: Еремин М. П. Пушкин публицист. М. , "Художественная литература", 1976, с. 68-.
44. Цит по: Лиры и трубы. Русская поэзия XVIII века. М, Гос изд детской литературы, 1961, с. 169, с. 170.
45. Там же, с. 172-.
46. Пушкин А. С. Собрание сочинений..., т. 2, с. 225.